

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

ПОЛИНА ЖАНДАРМОВА
Родилась в 1990 году.
Окончила Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет,
биолого-химический факультет, живет

в Белгороде. Участник
мастерской прозы в рамках
образовательного форума
«Таврида». Автор поэти-
ческих и прозаических
сюжетов в жанре город-
ского фэнтези.

Они ждали чуда. Все вместе и каждый по отдельности. Кто как мог и кто как умел. Каждый день. Каждый прожитый миг. Ждали чуда, которого никто не видел уже многие лета. Но именно в канун этого нового года ждали как никогда. Всей душой большой и маленькой. Всем естественным. Сбегающая в укрытия, разгребая завалы, восстанавливая разрушенное. Ждали. Верили. Надеялись.

«Внимание всем! Кракен просыпается! Населению подготовить укрытия, зафиксировать стёкла и быть готовыми к эвакуации по специальному сигналу».

Подобные сообщения от службы безопасности в очередной раз разлетелись по всем мессенджерам жителей городка Н. Разлетелись молниеносно – система оповещения работала как часы. Эту часть взаимодействия удалось наладить достаточно быстро и безболезненно. Марину новость застала как раз на входе в детский сад. Длинный пустой коридор встретил ее темнотой, тишиной и запахом рыбных котлет. Лишь в самом дальнем кабинете из-под дверей пробивалась тонкая полоска света.

– Марина Ивановна, ну что же вы! Надя последняя осталась! Всех давно забрали! Такое время, такие новости! Ребенок тревожится! – В голосе нянечки слышалось ничем не скрываемое осуждение.

Марина молча забрала уже одетую дочку из рук молчавшей все это время воспитательницы и двинулась к выходу. Уже на пороге пожилая женщина, дежурившая в группе сегодня, все же заговорила: – Марина Ивановна, может быть, вы придумаете что-нибудь? У нас убежища нет, стёкла старые, вдруг что... Может, с соседями оставите Наденьку? Ну подумайте, а!

– Подумаю, – устало кивнула Марина и вышла в коридор.

Объяснять в сотый раз, почему она не может отказаться от дежурной группы в детском саду, не было сил. За то время, что прошло с момента первого пробуждения Кракена, Марина привыкла и к осуждающим взглядам, и к чувству перманентной, не проходящей тревоги. Единственное, к чему никак не удавалось привыкнуть, – ценные, но совсем непрошенные советы окружающих. Но пробудившийся «подземный вулкан», как его окрестили ученые, был тут совершенно ни при чем.

Ноябрь в этом году выдался на редкость снежным. Вторую неделю всюду сыпал снег. Он смешивался с вулканическим пеплом и оставался лежать на земле грязно-серыми сугробами. Марина задержалась на крыльце, натягивая респиратор и защитные очки на себя и на дочь, и включила наручный фонарь. Ходить в темноте в пластиковых очках сквозь снежно-пепельную стену было

не просто, а после отключения фонарей город и вовсе погружался во тьму аккурат вслед за окончанием рабочего дня. Поэтому приходилось дополнительно подсвечивать и себя, и окружающий мир.

Ребенок радостно помахал рукой взад-вперед, наблюдая за игрой фонарного луча.

– Надя! Не балуйся, пожалуйста! Идем!

Надя фыркнула и прыгнула с двух ступенек сразу на землю. Марина улыбнулась, с запозданием сообразив, что дочь не увидит ее улыбки из-за респиратора. Дальше шли молча. Говорить в антитефровой экипировке было не слишком удобно. Лишь дома, разогрев ужин и накормив Надю, Марина сообразила, что что-то не так. Непривычно тихо. Непривычно молчаливо.

– Дочь, тебя кто-то обидел?

Девочка сидела за своим столиком и грустно смотрела на белый лист бумаги.

– Надя! Я с тобой разговариваю!

– Я думаю! – насупилась та.

– О чем?

– О том, как тебе ответить!

Надя постучала красным карандашом по столу и тяжело вздохнула.

– Меня обидел Кр-р-ракен!

Букву «р» Надя выговаривала с трудом, поэтому слово получилось старательно-протяжным. Марина приложила все силы, чтобы не усмехнуться.

– Чем же, не расскажешь?

– Он съел наш Новый год! Как кр-р-рокодил солнце в сказке, помнишь?

В слове «крокодил» буква тоже звучала протяжно-раскатисто. Марина все же улыбнулась.

– С чего ты так решила?

– Любовь Васильевна сегодня сказала. Что Нового года не будет. И подарков не будет. И праздников! И конфет!

Из глаз брызнули слезы, и Надя протяжно заскулила. Марина отложила в сторону книгу и под села к дочке.

– Ну чего ты! Будут тебе конфеты! И подарки! И праздник!

– Не бу-удет! Любовь Васильевна сказала-а-а, – все сильнее расходилась девочка.

– А я тебе говорю, будет! Любовь Васильевна, если хочет, может сидеть без конфет и без подарков!

– И без праздника-а-а!

– И без праздника! – согласилась Марина. – А мы будем с праздником.

– А можно я завтра не пойду в садик? – хитро заблестели детские глаза.

И Марина поняла, что ее переиграли. Усмехнувшись, она прижала девочку к себе.

– Ладно! Только если не будешь канючить!

– Не буду! Честно! – радостно запрыгала девочка и, снова усевшись за стол, погрузилась в рисование.

Уже уложив дочь спать, Марина остановилась возле стола, рассматривая новогоднюю открытку со снеговиком в главной роли. Положив открытку на место, Марина улеглась в кровать.

Но сон не приходил.

Это стало нормой. Лежать в ночной темноте, до боли вслушиваясь в происходящее за окном. В каждый шорох. В каждый стук. Прислушиваться к ощущениям – не кажется ли, что кровать под обманчиво расслабленным телом чуть дрогнула. Что по стене пробежала вибрация, а чашки и ложки в ящике на кухне задребезжали. Переворачиваться на бок и снова возвращаться назад, на спину. Потому что оба уха слышат лучше, чем одно, не закрытое подушкой. И лишь когда обесиленный организм сам, от усталости, перейдет в автоматический режим, ненадолго провалиться в беспмятство. Но даже в нем ждать и слушать. Слушать и ждать. Нового прорыва земной коры. Нового удара.

Когда это случилось впервые, паника накрыла город Н. плотнее, чем вырвавшаяся из-под земли тефра – смесь газов, пыли и пепла. Беспросветная, иррациональная, животная – паника в тот вечер нанесла гораздо больший урон, чем незначительные повреждения линии электропередач и водоснабжения. В тот самый-самый первый раз самой разрушительной оказалась паника. И во второй. И в третий. Лишь после того, как пробуждения Кракена стали частыми, а на панику не осталось сил, удалось выстроить четкую, отлаженную систему действий населения. Только вот население к тому моменту сократилось на треть. Кто-то навсегда ушел после первых прорывов. Кто-то спешно выехал в спокойные регионы.

А остальные ждали чуда. Каждый новый день. Каждое мгновение. Верили в то, что «это в последний раз». В пресловутое, такое всеми избитое «все будет хорошо». Еще было «мы непременно справимся» и «самое страшное мы уже пережили». Верили тихо, чтобы не сглазить. И громко, в каждом разговоре с каждым соседом. Верили так по-разному и в то же время так одинаково. И ждали, ждали.

Будильник прозвенел как всегда неожиданно. Как будто только и дождался момента, когда

глаза едва закроются. Марина с трудом отлепила себя от плоскости кровати и поплелась в ванную. Надя еще спала. Блаженным детским сном, в котором единороги и радуги, чудеса и волшебство. Марина была бы рада даже обычному сну. Без единорогов. Вообще без сновидений. Для нее чудом с недавних пор стал полноценный, глубокий сон. Но сна не было. Как и чудес.

Лишь когда завтрак стоял на столе, Марина разбудила дочку. Та поднялась быстро. И собралась еще быстрее – ожидание похода на мамину работу было лучшим мотивом для пробуждения и сборов. Спустя полчаса два космических человечка – в комбинезонах, респираторах и защитных очках – уже шагали к автобусной остановке сквозь серость полужимнего утра.

«До Нового года осталось пять недель».

Надпись на одном из рекламных экранов пробивалась фиолетовым неоном даже сквозь туман. Автобус пришлось ждать пятнадцать минут.

– Проходим, скорее! На том конце города дрожь началась. Не задерживаемся! – Водитель кричал сквозь респиратор, подгоняя нерасторопных пассажиров.

Народ засуетился. Начал напирать. Послышались нервные вскрики и ругань. Марина беспомощно огляделась – они с Надей стояли практически в хвосте очереди, а автобусное нутро стремительно заполнялось. Надя прижалась к матери и замерла. Очередь продвигалась медленно. Водитель ругался все громче, несмотря на респиратор.

– А ну! Дорогу! Мать с ребенком! – раздалось громогласное где-то над головой.

И в следующий миг Надя взмыла над толпой. Марина с трудом развернулась. Высокий мужчина посадил Надю на плечо и тараном двинулся вперед, раздвигая людскую массу своим телом. Со всех сторон слышались недовольные выкрики. Но великан не обращал на это никакого внимания. Марина ринулась следом, пока толпа за спиной нежданного спасителя не схлопнулась.

– Вот так! – Мужчина водрузил Надю на верхнюю ступеньку. Помог Марине взобраться следом и отошел.

Заскочившие следом тут же оттеснили Марину вглубь салона, не дав толком рассмотреть, кто это был. Все, что она запомнила, – спина, обтянутая черной курткой, без каких-либо опознавательных знаков. Автобус тронулся с места, а Марина оставила всякую надежду высмотреть неизвестного супермена в толпе.

«Поблагодарить бы...» – мысль вспыхнула и тут же погасла. В полном обмундировании понять, кто скрывался за респиратором и черным пуховиком, было невозможно.

– Мам, а нас дрожь не догонит? – Надя сняла респиратор и очки. Последние в автобусе сразу же запотевали.

Ребенок с интересом разглядывал угрюмых жителей, всех, как один, напуганных словами водителя. Дрожь – предвестник очередного прорыва. И даже несмотря на оповещение, что разослала служба безопасности накануне, каждый ждал чуда.

– Маску надень! – тут же шикнула Марина. И чуть мягче добавила: – Не догонит. Дрожь далеко. Мы успеем доехать до завода!

Марина постаралась придать голосу как можно больше уверенности. Даже несмотря на полное ее отсутствие в душе. Наде об этом было знать не обязательно.

До завода, где Марина работала начальником центра мониторинга качества, доехать действительно успели. Равно как успели раздеться, провести две планерки и забежать к директору.

– Сад закрыли? – Пожилой усатый мужчина с седыми волосами и бесконечной усталостью в глазах кивнул Марине и подмигнул Наде.

Та разулыбалась, довольная, что ей разрешили пройти в кабинет директора.

– Да, Петр Иванович. В смысле нет. Некуда было...

– Не оправдывайся. Главное, в цеха не бери, сама знаешь!

Марина замаялась. Знать-то она прекрасно знала всю технику безопасности. Вот только куда деть пятилетнего ребенка посреди огромного завода, когда в любой момент может сработать сигнал к эвакуации? Директор нахмурился и тяжело вздохнул. Затем поднял трубку и нажал на несколько клавиш.

– Василич, зайди ко мне! Дело есть.

Марина просияла. Николай Васильевич, он же Василич, – один из завхозов предприятия. В темные, как их еще называли, вулканические времена ему поручили устраивать подвалы для размещения сотрудников. С недавних пор, после того как под зданием геологи с технарями протянули какие-то сверхновые сети, там стало безопасно. Марина, как ни старалась, так и не смогла вникнуть в суть работы этого механизма. То ли это были подземные громоотводы, не дающие сейсмическим волнам прорываться в этой части города. То ли заколдованные Дедом Морозом гномы, отпу-

гивающие Кракена. Всем на самом деле было абсолютно все равно. Главное – на территории завода прорывов не случалось. А от тефры и выбросов надежно укрывал подвал. И сейчас ей разрешили оставить Надю там. О большем Марина и мечтать не могла.

– Василич! У тебя внуки есть? – без прелюдий перешел к делу директор, когда завхоз показался на пороге.

– Ну... Да, а что?

– Обращаться, значит, умеешь. Я тебе выписал секретаря. На... – Он кинул на Марину цепкий взгляд. Еще раз тяжело вздохнул и закончил: – В общем, выписал. Займи делом.

Василич недоуменно огляделся по сторонам, наткнулся взглядом на Надю и широко улыбнулся.

– Ну, таких секретарей у меня еще не бывало. Тебя как зовут, красавица?

– Надежда Игоревна! – гордо проговорила девчушка.

– Значит так, Надежда Игоревна! Работать будешь? – нарочито строго спросил Василич.

– Буду! – кивнула та.

– Обещаешь?

– Обещаю!

– И суп из столовой есть будешь?

Надя задумалась и нерешительно кивнула. В сознании ребенка суп никак не вязался с серьезной должностью, на которую ее назначил сам директор.

– А котлеты?

Еще один робкий кивок. Надя с опаской поглядывала на мать, но не отступала.

– Ну тогда пойдём работать, товарищ секретарь! Василич протянул девочке руку, и та не раздумывая схватилась за нее.

– Надя, веди себя хорошо! – бросила напоследок Марина. Едва за ними захлопнулась дверь, она кинулась к директору: – Петр Иванович! Спасибо вам! Я...

– Пустое, – отмахнулся тот. – Иди работай! За ребенка не переживай. Василич дело знает!

Марина выскочила из кабинета, боясь расклеваться перед начальством. Директор был человеком старой закалки, сантиментов не любил и не приветствовал. Пробегая по коридору, она мельком бросила взгляд в открытую дверь в кабинете Василича. Тот что-то увлеченно рассказывал Наде, а та с восторгом в глазах слушала. От сердца отлегло, и Марина полностью погрузилась в работу.

«Внимание населения! Прорыв на восточном направлении. Въезд в микрорайоны Чемушки и Горняк перекрыт. Всем жителям собрать необходимые вещи и быть готовыми к эвакуации».

Сумка с необходимыми вещами стояла наготове у порога еще с третьего или четвертого прорыва. Документы на себя и на дочь, аптечка, теплые колготки и свитера для Нади. А еще ингалятор и маленькая ультрафиолетовая лампа: Надя часто болела, и эти медицинские гаджеты очень помогали вовремя останавливать болезнь. Поэтому Марина тоже определила их к вещам первой необходимости. А еще туда же, на самое дно, в двойном отделении, Марина аккуратно сложила свои немногочисленные сбережения и золотые украшения. Опыт показал: если придется эвакуироваться из дома, скорее всего, назад уже вернуться не получится. Так было в Песчанке. Так было в Глинках. Теперь вот еще два микрорайона попали под прорыв.

Стены в квартире задрожали, а стеклянная чашка с ложкой на тумбочке задребезжала. Марина запрыгнула в теплый спортивный костюм, села на пол возле Надиной кровати и включила таймер на телефоне. Перерывы между дребезжанием полторы минуты – до их дома еще далеко. Когда станет сорок секунд – объявят эвакуацию.

Минута двадцать. Минута тринадцать. Минута.

Марина натянула на спящую Надю комбинезон. Девочка что-то невнятное пробормотала во сне, но не проснулась: Марина научилась действовать аккуратно, чтобы лишний раз не тревожить детский сон.

Пятьдесят семь секунд. Ложка истерически звякнула. С потолка посыпалась штукатурка. И все стихло. Марина стала ждать. Маленького ночного чуда. Сообщения: *«Кракен успокоился. Столб тефры составил триста метров, выходить на улицы не рекомендовано в ближайшие двенадцать часов. Жители микрорайонов Чемушки и Горняк эвакуированы в безопасное место. Работают спасатели. Официальная информация будет утром».*

Экран телефона мигнул и погас. Марина выдохнула и раздела Надю, а потом разделась сама. Сумка с вещами на этот раз не понадобилась.

Начало смены на заводе сдвинули на три часа. Марине директор разрешил приехать в третью смену.

– Бери секретаря, Василич, тоже в третью будет, – коротко бросил он по телефону и отключился.

Впрочем, Василич на заводе теперь был постоянно. И Надя, к удивлению Марины, бежала к нему

в кабинет с радостью и энтузиазмом. На все вопросы, чем она занимается с «дедаКолей», она лишь загадочно улыбалась и говорила, что у них секретный проект! И у нее подписка о «не-р-р-ра-зглашении». Марина лишь смеялась в ответ. Ребенок был доволен, и для Марины это тоже было еще одно маленькое чудо.

В остальном же чудес будто бы не осталось. Прорывы участились. Лавовая игла снесла часть жилого дома. Три микрорайона остались лежать горами строительного мусора. Современными руинами. Одна радость – жителей успели вывезти. Город опустел на две трети. Все, кто мог, выехали в разные уголки необъятной страны. В оставшихся жилых кварталах спешно клеили схемы эвакуационных маршрутов, заматывали стекла, чтобы ударной волной не разнесло осколки, прокладывали тектонические отводы и сейсмические ловушки там, где это было возможно. В этой гонке на выживание про наступающий Новый год все не то чтобы забыли. Но перестали ждать. Других забот хватало.

– Мам! Мне нужна твоя помощь! – в один из вечеров в третью смену, где-то на восьмой прорыв и за две недели до Нового года, заговорила Надя.

– Я тебя слушаю!

– Помоги мне написать мэру!

В разговоре повисла пауза. Ребенок, видя замешательство родителя, продолжил:

– Ну или кто у нас отвечает за праздники? Министр?

– Нет, не министр. Какой-нибудь начальник.

– Тогда мне нужен какой-нибудь начальник.

– А для чего, не пояснишь? – Марина поняла, что дочь настроена серьезно.

– Нужно написать письмо, чтобы мэр или какой-нибудь начальник напомнил людям про Новый год!

Марина подавила тяжелый вздох. Как подобрать слова и объяснить ребенку, почему мэр, начальники и все жители, оставшиеся в городе, забыли про праздник, Марина не знала. Надя подошла к столу, взяла белый лист бумаги и красный карандаш и принесла Марине.

– Держи! Я продиктую, а ты напиши. Ну, как время будет.

– Я могу на компьютере напечатать.

– Да? А деда Коля всегда все пишет.

– У него нет компьютера, а у меня есть, – улыбнулась Марина. – Диктуй, что писать надо.

Надя задумалась и начала бойко диктовать.

– Уважаемый мэр! Пожалуйста! Разошлите людям напоминание о пр-р-разднике! Точка. Нет, восклицательный знак. Ему можно восклицательный знак?

– Можно, – кивнула Марина.

– А еще можно написать, чтобы елки продавать начали?

– Написать-то можно...

– Ну ты напиши. Разрешите продавать елки, потому что Новый год не наступит без елки! Вдруг он, как и все, просто забыл про елки?

Надя еще какое-то время покрутилась у стола и убежала к Василичу. А Марина долго смотрела в мерцающий экран, не решаясь удалить Надин текст. Открыла браузер, нашла адрес электронной приемной мэра и, не подбирая канцелярских оборотов, написала мэру. «В заключение своего обращения прикладываю слова моей пятилетней дочери Надежды...» Вставила текст, надиктованный Надей, и нажала на кнопку «отправить».

Ночевали на заводе. В соседнем кабинете Василий поставил раскладное кресло для Нади и раскладушку для Марины. Сумка с вещами стояла тут же – в последнее время Марина везде носила ее с собой. Восемь прорывов за три недели многое изменили в привычном укладе некогда понятной и размеренной жизни. Сейчас весь мир катился в пропасть. И единственное, о чем мечтала Марина, – удержаться на краю.

– Переезжать когда будешь? – в один из вечеров спросил директор.

– Не знаю, – замялась Марина.

– У тебя же мать в Сочи!

– Да... – Марина не хотела вспоминать последний разговор с матерью.

Та позвонила спросить, правда ли все, что показывают про них по телевизору. Долго рассказывала о том, какой у нее сейчас непростой период в жизни. А потом попросилась, быстро пробормотав, что к ней сейчас лучше не приезжать, потому что других проблем хватает.

– Ясно. – Директор, внимательно наблюдавший за Мариной, вздохнул и закурил прямо в кабинете. Потом взял листок для записей, спешно нацарапал на нем что-то и передал Марине. – Адрес. Домик старенький, но аккуратный. Море рядом. После Нового года город закроют. Поезжайте туда. Я узнаю, когда вывоз будет.

Марина взяла протянутую бумажку и крепко сжала.

– А вы?

– Я не могу бросить завод. А жена категорически не хочет уезжать без меня. Дети и внуки живут в столице, так что им этот домик ни к чему.

В душе Марины боролись две силы. Бросить директора одного в трудный час и позаботиться о собственном ребенке. Остаться на свой страх и риск, не предавая коллектив, и подвергнуть ребенка опасности? Вроде бы такой очевидный выбор давался неимоверно тяжело.

– Давай-давай, не раздумывай! Работу там найдешь, я позвоню. Вывози Надю.

– Спасибо!

Она перестала ждать чуда. После бесконечных прорывов. После разговора с матерью и бывшим мужем, отказавшимся забирать Надю. Перестала, и чудо пришло само – в виде смятого листка с адресом на другом конце страны.

– Когда так много позади всего, в особенности горя, поддержки чьей-нибудь не жди, сядь в поезд, высадись у моря, – протянул директор, докуривая сигарету.

Марина кивнула:

– Сяду. Высажусь.

«Внимание! Приближается прорыв! Всем сотрудникам спуститься в убежище!»

Голос директора в хрипящем динамике застал Марину в одном из цехов. Первая мысль – где Надя – тут же сменилась осознанием, что Надя как раз в убежище. Соскочив с лестницы, Марина подхватила свою сумку первой необходимости, что теперь везде следовала за ней, и двинулась в сторону подвала. Сотрудники не раз отрабатывали эвакуацию. Некоторые и сейчас думали, что это тренировочный спуск. Только когда дрожь прошла по зданию, люди засуетились. Ускорились, похватили сумки с вещами и спустились в подвал.

– Деда Коля! Сюрприз не получится! – Марина услышала Надин всхлип, полный разочарования, и голос Василича.

– Наоборот, товарищ секретарь! Мы с тобой славно потрудились! Сейчас все получают праздничное настроение вместо волнений! Разве это не сюрприз?

– Но я хотела, чтобы на Новый год же!

– А мы скажем, что это генеральная репетиция! Напомним, как надо праздновать! Ты же сама говорила, люди забыли про праздник. Вот мы сейчас и расскажем, как надо праздновать! Проведем свой заводской Новый год!

– Как утренник в садике?

– Да! Будем петь песни, водить хороводы и рассказывать стишки!

Последнюю фразу Василич сказал в толпу собравшихся у входа ровным счетом ничего не понимающих сотрудников.

– Петр Иванович, вы будете за Деда Мороза! – командовал завхоз, не обращая внимания на приближающийся прорыв.

И директор, к удивлению всей смены, согласно кивнул.

– Буду! Веди!

Марина с сумкой в одной руке подскочила к Наде, другой сжала ее ладошку.

– Надя! Что за капризы?! Ты как себя ведешь?!

– Тише, тише, Марина Ивановна, все хорошо! – Василич похлопал Марину по плечу. – Значит-ся, так! Проходим, размещаемся!

Марина не понимала, что происходит. Равно как и вся остальная смена. Угрюмые, напряженные, где-то даже недовольные. Все чувствовали приближающуюся дрожь. Даже несмотря на тектонические сети и отводы. Земля под ногами колебалась. Связь под землей работала плохо. Каждый гадал, где прорыв случится на этот раз. Девятый? Или вслед за ним сразу будет десятый? Одиннадцатый? Сколько тефры выбросит в воздух Кракен сегодня? Будут ли выбросы лавовых игл? Разнесет ли газовый поток очередную детскую площадку или киоск?

И лишь трое из этой толпы выглядели заправскими заговорщиками.

– Пр-роходим! – Надин голос пролетел над толпой. – Мы пр-риглашаем вас на нашу новогоднюю р-р-репетицию!

Василич распахнул ангарные двери, и перед работниками открылся сияющий блеском разноцветных гирлянд новогодний зал. В центре возвышалась ель, собранная из труб и крашеного в зеленый цвет картона. По стенам разлетелись вырезанные детской рукой снежинки. И бумажные гирлянды. А еще всевозможные разномастные шары, бусы, хлопушки и мишура.

Марина почувствовала, как в груди защемило, а в глазах зашипало. Замутненным взглядом она обвела собравшихся. На лицах читалось недоумение, непонимание и робкая надежда.

– Надежда! – командовал директор. – Ну-ка, покажи пример! Вставай под елку! Рассказывай стишок!

Надя вприпрыжку бросилась к елке, не обращая внимания на дрожь пола под ногами и легкое дребезжание окружающего мира. Встала у зеленого конуса и звонко затянула:

*В Новый год во все глаза
Каждый смотрит в чудеса!
А они глядят в ответ –
Есть желанье или нет!
Важно всем не опоздать
И желанье загадать!*

– Дед Мороз ко всем придет... – Надя запнулась, и кто-то из толпы выкрикнул:

– И подарки принесет!

– Правильно! – захлопала в ладоши Надя. – Вы следующий!

Слесарь из третьего цеха стушевался, замялся, но Надя уже подскочила к нему и потянула к елке.

– Да я это... Как-то и не знаю, старый уже, забыл...

– А про маленькую елочку знаете? – не сдавалась Надя.

– Да знаю, наверно...

– Я помогу! Мы в садике учили! Давайте вместе! Ма-а-аленькой е-е-елочке...

– Холодно зимой, – запели сразу несколько женщин из третьего ряда.

– Из лесу елочку взяли мы домой, – подключились директор с Василичем.

И через несколько строк уже все, кто был в убежище, распевали детскую новогоднюю песню. А к третьему куплету завели хоровод возле зеленого картонного конуса, имитирующего елку. Под свет гирлянд, подключенных к аварийным генераторам, чтобы точно не погасли, если все вокруг обесточится. Под аккомпанемент дребезжащих стен и гул, доносящийся из недр.

Все они водили хоровод и ждали чуда. Забытого. Казалось бы, потерявшего единственное, что давало ему право на существование, – надежду. Потерявшего и нашедшего ее в лице маленькой пятилетней девчушки, так упорно требующей этого самого чуда. Верящей в него всем своим сердцем и всей душой.

Все они ждали чуда, не веря в него. Погрузившись во мрак и отчаяние, в беспросветность и серость тefры. Отдавшись во власть боли и горечи. Не надеясь ни на что. Предав его. Променяв на тьму и холод, открыв им место в сердцах и душах. Но чудо пришло.

Марина шагала в хороводе, чувствуя, как это чудо снисходит на всех собравшихся – электрическим разноцветьем, давно позабытыми, но вовремя всплывшими в памяти куплетами из детства, ощущением надвигающегося праздника. Чудо пришло, как солнце, каждый раз встающее после черноты ночи. Как новый день. Как новый год.

«Кракен успокоился. Жертв нет. Официальная информация будет утром. С завтрашнего дня в жилых районах начинают работу елочные базары. С наступающим Новым годом!»

Экраны телефонов мигали в карманах рабочей формы. Но за блеском гирлянд никто не обращал на это внимания. Директор рассказывал отрывок из поэмы Некрасова, и все слушали, затаив дыхание, про то, как Мороз-воевода дозором обходит владенья свои. А вслед за этим переходил к Пушкину, воспевая зимнее утро. И каждый знал, что следующее утро, непременно, будет укрыто утренним снегом. И снег этот когда-нибудь снова заблестит под восходящим солнцем.

